

От редактора

В 2001 году в Высшей школе социальных исследований в Париже Жак Деррида проводил свой семинар «Тварь и суверен». Мне посчастливилось побывать на двух первых лекциях, на которые пришло очень много людей. Сегодня, имея возможность соотнести свои записи и воспоминания с опубликованной версией текста, прихожу к выводу о том, что Деррида отклонялся от канвы, импровизировал, упоминал не все, что хотел бы и мог бы сказать по вопросу о суверенитете в его непосредственной связи с законом, а именно с властью давать и приостанавливать закон. Как всегда, он был виртуозен и необычайно энергичен, и аудитория, затаив дыхание, слушала его. Помню, меня тогда поразило откровенное обращение к реальной политике, ссылки на государство-изгой и критика Соединенных Штатов. При всей сложности излагаемого материала, при всех вводимых Деррида тонких различиях его выступление воспринималось остро политически, что придавало всему происходящему еще больший градус напряжения, – и это для меня было новым. И вот сегодня, благодаря любезности Маргариты Деррида, мы воспроизводим большой фрагмент первого из двух декабрьских занятий, на котором размечаются – наносятся на карту – основные темы будущих разборов: животность, бытие-вне-закона, призрачная онто-зоо-политическая пара: суверен и животное (тварь).

Нетрудно понять, что сквозной темой основного блока материалов выступает власть. Помимо «суверенной», устанавливающей закон, есть власть того, что Мишель Фуко определял в терминах диспозитива: власть-в-действии (В. Подорога) или способ производства субъективности, заключающий в себе возможность контрвласти (А. Негри). Пристальный анализ Карла Шмитта позволяет сформулировать понятие власти как среды: это не только феномен «культуров» власти, но и такое возрастание используемых ею технических средств, когда их эффекты выходят из-под контроля человека (А. Филлипс). Только одна разновидность суверенной власти, похоже, не

связана с неизбежным для человека социальным договором: это власть «внутреннего опыта», суверенность того, кто ничему не служит, согласно Жоржу Батаю (О. Тимофеева).

Читатель волен искать переключки с этими размышлениями в других представленных его вниманию материалах. Это акцент на политизации внешне сугубо формальных поисков позднего А. Родченко (М. Тупицына), выделение знаков имперскости как попытка «деконструировать» стиль социалистического реализма (Ю. Лидерман), обнаружение утопического потенциала в литературном высказывании фантазмагорического толка (Б. Куприянов). Можно высказать предположение, что недавний исторический опыт для нас овеян призраком империи. Что касается самих призраков и их «промежуточного» положения по отношению к устойчивым категориям бытия, то этому посвящается отдельное исследование (Н. Сосна). Повторю, однако, что поиск аналогий и /или общих проблемных узлов – дело свободного выбора.

Хочу поблагодарить всех, кто оказал содействие в подготовке данного номера. В первую очередь это Д. Новиков, помогавший уладить юридические вопросы, и Ю. Подорога, снабдившая нас электронной копией семинаров Ж. Деррида. Отдельного упоминания заслуживают мои близкие, без чьей поддержки не было бы никакого продолжения.

Е.П.